

Стремление человека к личному счастью не противостоит стремлению к нему других людей, ибо все они, живя в одинаковых условиях, подвергаясь одинаковому воздействию среды, имеют сходные представления, сходные потребности и интересы. В свободном от угнетения обществе эгоистическое стремление человека к личному счастью вместе с тем есть и гражданственное стремление к общему благу. «Доколе единомыслие в обществе царствовало, закон ничто иное был, как собственное каждого к пользе общей побуждение, ничто иное, как природное почти стремление исполнять каждому свое желание; и бо каждый в особенности своей ничего иного желал, как чего желали все...» (III, 29).⁴⁴ Из этого проистекало убеждение в том, что личная польза человека совпадает с нравственными требованиями общества, и стремление связать материальный интерес с общественной моралью. «Всякое действие его (человека, — Ю. Л.) во благе и во зле есть мздоимно», так как «причина к общежитию есть единственная, а именно собственная каждого польза» (III, 30). Другим следствием изложенной системы являлось убеждение в том, что, заключая общественный договор, человек сохраняет всю свободу естественного состояния, поскольку его свобода, по Радищеву, не имеет (в отличие от того, как полагал Руссо) антиобщественного характера. «Закон положительный, — писал Радищев в «Опыте о законодательстве», — не истребляет, не долженствует и немощен всегда истребить закона естественного» (III, 10).

«Гражданин, — писал Радищев в «Путешествии», — становясь гражданином, не перестает быть человеком» (III, 47).⁴⁵

Из подобного понимания характера общества закономерно вытекало и представление о «естественном» государственном порядке. Цель государства — счастье граждан: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан» (III, 5). Радищевское понимание природы человека заставляет его верить в народную массу, поэтому идея прямого и непосредственного народовластия находит в нем естественного защитника: «Собрание граждан именуется народом; соборная

⁴⁴ Ср.: «Свою творю, творя всех волею». — Разрядка моя, — Ю. Л.

⁴⁵ В этом отношении даже Пнин стоял на позиции, отличной от радищевской. Полемизируя с якобинской конституцией, он писал «Права человека согласуются ли сколько-нибудь с правами гражданина. Всякой человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком... Из сего ясно видеть можно, сколь мнимые права человека противоположны правам гражданина» (Ив. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804, стр. 24—25).